

ПРАЗДНИКЪ ШИТОВЪ.

Въ Тифлисѣ, въ май, 17—19-го числа, магометане-шіиты праздновали дни Али, зятя Магомета и сына Али-Хуссейна. Эти три дня заслуживаютъ описанія какъ дни, въ которые релігіозный фанатизмъ людей востока, развиваясь свободно и невозбранно, достигаетъ своего высшаго пункта, принимаетъ формы безумнаго изступленія, не рѣдко увѣчить и убиваетъ своихъ рабовъ.

Въ основу праздника Али-Хуссейна легла борьба за политическое преобладаніе между Омейядами, династіей-калѣфовъ, которые вели свой родъ отъ Абу-Бекра, тестя Магомета, и Алидами, другой династіей, родоначальникомъ которой является зять пророка, Али. На почвѣ этой борьбы, въ VII столѣтіи возникъ среди магометанъ релігіозный расколъ и образовались двѣ партіи; одна изъ нихъ—шіиты*), они почитаютъ Али святымъ *первымъ* послѣ Магомета, его потомковъ—единственными законными калѣфами, а коранъ—единственнымъ ученіемъ о вѣрѣ и образѣ жизни. Они признаютъ также, что одинъ изъ потомковъ Али—Магометъ, жившій въ концѣ VII вѣка,—не умеръ, когда нибудь возстанетъ изъ своего подземнаго убійства въ образѣ истиннаго Махди (Мессіи) и возставъ, выведетъ народъ свой на путь счастья и истины. Другая партія тоже признаетъ святость Али, но въ порядкѣ святости ставитъ его послѣ Абу-Бекра и его потомковъ, а на ряду съ кораномъ почитаетъ также и „сунну“.**) Эти главныя разногласія между двумя сектами отъ времени осложнились массой деталей, и нинѣ разница въ вѣрованіяхъ и обрядахъ шіитовъ-персовъ и суннитовъ-турокъ, очень велика. Али, святой шіитовъ, долго боролся съ партіей Абу-Бекра; однажды взявъ въ плѣтъ своего злѣйшаго врага—Айшу, жену Магомета, но она не добилась со стороны арабовъ всеобщаго признанія калѣфомъ, былъ схваченъ сторонниками противной партіи въ Меккѣ, во время молитвы въ мечети и они замучили его. Сынъ его, Хуссейнъ, продолжалъ борьбу, но такъ-же безуспѣшно и тоже былъ убитъ. Во дни, посвященные чествованію памяти этихъ святыхъ, ихъ поклонники выражаютъ свою печаль о пораженіи Али и Хуссейна, отчасти представляютъ битвы Али и его триумфъ послѣ знаменитой „битвы верблюда“, въ которой жена пророка Айша, воодушевляла свои войска къ бою, сидя на верблюдѣ и сдалась войнамъ врага своего Али, лишь послѣ того, какъ ее верблюдъ подрѣзали жилы на ногахъ.

Нужно замѣтить, что порядокъ и обряды празднованія дней Али Хуссейна видоизмѣняются въ зависимости отъ мѣстности и ея преданій, которыя часто совершенно чужды

*) Заблудившіеся.

**) Сборникъ устныхъ релігіозныхъ преданій.

эпопеей Али и Хуссейна, но наслояясь на остовъ исторіи этихъ лицъ, въ концѣ концовъ затуманивая ея до неузнаваемости. По словамъ очевидцевъ и описаніямъ путешественниковъ въ Карской области эти дни правдуются иначе, чѣмъ въ Закавказьѣ, у персовъ иначе, чѣмъ у арабовъ и т. д.

Вотъ какъ праздновались дни Али-Хуссейна въ Тифлисѣ, на Авлабарѣ, въ азіатской части города, разсыпанной по высокой горѣ, подножіе которой буйно смываетъ быстрая и шумная Бура.

Вечеромъ 17 мая толпа персовъ, айсоровъ и елизаветпольскихъ татаръ, вооруженная длинными, похожими на сабли кинжалами, собралась за Авлабаромъ въ узкой долинь, съ одной стороны которой возвышается гора, а съ другой—развалины Тифлисской крѣпости, древняго и мощнаго сооруженія, выдавашаго подъ своими стѣнами войнѣ Помпея. Собравшись тутъ, эти нестро одѣтые люди, съ бронзовыми лицами и бритыми до синя черепами, выстроились въ длинную колонну, обнажили головы и держа въ опущенныхъ рукахъ свои ножи, долго молча смотрѣли на высокой шестѣ, укрѣпленной на крышѣ одного изъ домовъ Авлабара. Когда вечернее солнце опустилось за гору и въ долину тихо упала тѣнь отъ развалинъ крѣпости—на шестѣ взвился большой черный флагъ и въ этотъ моментъ толпа, взмахнувъ въ воздухъ ножами, единодушно испустила протяжный и тоскливый, воющій крикъ:

— Али! Хуссейнъ!

Повторивъ этотъ возгласъ трижды, толпа заунывно запѣла какой-то гимнъ и въ тактъ пѣнію стала маршировать по долинь, взмахивая ножами, ярко блестящими въ воздухѣ. Все ускоряясь въ темпѣ, дружное пѣніе постепенно начинало принимать характеръ болѣзненнаго вопля, ножи равномерно взлетали въ воздухъ и, опускаясь внизъ, почти касались плечъ и головъ, а на лицахъ людей, вмѣстѣ съ потомъ усталости явилось выраженіе дикаго экстаза. Темные глаза фанатическихъ дѣтей востока уорно слѣди за чернымъ флагомъ, развѣвавшимся въ воздухѣ, разгорались огнемъ релігіознаго воодушевленія, ихъ лица, искаженные страстнымъ чувствомъ, нервно вздрагивали и уже съ хрипомъ вырывался изъ ихъ грудей громкій, единодушный крикъ, порой прерывавшій ихъ пѣніе:

— Али! Хуссейнъ!

Отовсюду бѣжали зрители—русскіе, грузины, армяне, женщины, солдаты, рабочіе, торговцы, дѣти—все населеніе Авлабара и окружающихъ его мѣстностей. Окружая подвижниковъ плотнымъ кольцомъ, зрители ходили за ними и жадными глазами съ ожиданіемъ смотрѣли на нихъ. И встѣ одинъ изъ фанатиковъ, высокой и сѣдой старикъ, съ темнымъ взсохшимъ лицомъ, замахнулъ кинжаломъ надъ своей головой и легкимъ, ловкимъ ударомъ разсѣкъ себѣ лобъ. Тонкая но обильная струя крови потекла по его лицу и вызвала у его сотоварищей громкій,

радостный крикъ. Не прошло минуты, какъ уже болѣе десяти головъ и лицъ было изуродовано ранами и залито кровью, красными полосками стекавшей на плечи и грудь. Каждый разъ, какъ одинъ изъ подвижниковъ разсѣкалъ себѣ кожу—товарищи встрѣчали его кровью громкимъ крикомъ пламеннаго восторга. Въ колоннѣ было около ста человекъ, но уже менѣе, чѣмъ черезъ пять минутъ послѣ перваго прамѣра въ ней не осталось ни одной головы не окрашенной кровью. Правобѣрные, не принимавшіе участія въ этомъ самоистязаніи, подходили къ окровавленнымъ людямъ и, благоговѣнно касаясь руками ихъ ранъ, мазали кровью у себя за ушами, подъ скулами, груди и лбы. А люди съ взуродованными, наводящими острый ужасъ лицами, сбросили съ себя верхнія одежды, обнажили плечи съ ритмичными возгласами:

— Али! Хуссейнъ!

маршировали по долинь и ожесточенно рубили себѣ кожу на головахъ, на плечахъ и грудяхъ. Но вотъ изъ узкой, змѣевидной улицы города, выходяще на долину еще колонна шіитовъ. Они одѣты въ длинные черные хитоны, съ вырѣзанными на спине большими четырехъ-угольниками, изъ которыхъ смотрятъ голое тѣло. Ихъ головы повязаны черными повязками, а въ рукахъ у нихъ толстые, сыроматные ремни болѣе аршина длиной, на одномъ концѣ которыхъ прикрѣплены квадратные куски кожи объемомъ въ ладонь. У некоторыхъ эти кожаные квадраты представляютъ собою мѣшечекъ, въ который насыпана дробь или положены острые куски кварца, у другихъ—въ кожу воткнуты мелкіе гвозди, третьи вмѣсто кожи прикрѣпили къ концамъ ремней жести изъ мѣдной проволоки. Колонна эта шла медленно и негромко пѣла какую-то странную пѣсню, полную покорности року, пѣснь составленную изъ торжественныхъ нотъ, длинныхъ и однообразныхъ, которыя, чередуясь съ болѣе короткими и рѣзкими, создавали странную мелодію, усыпляющую умъ, ничего не давая ему. Эти люди напоминали хоръ пилатримовъ изъ „Тангейера“. Лица ихъ были облагорожены чувствомъ, тихимъ чувствомъ безропотной готовности къ чему-то, спокойной увѣренностью въ необходимости подвига и сознаніемъ силы совершить его... И кажется, что въ поднятой ими тучѣ пыли надъ ихъ головами носится невидимый и безформенный, но безжалостный и жестокой духъ, поработившій ихъ. А на встрѣчу имъ несется воющій крикъ облитыхъ кровью энтузиастовъ:

— Али! Хуссейнъ!

— Али! отвѣчаютъ они единодушнымъ взрывомъ и ихъ страшныя плети, свистувъ въ воздухѣ, съ лязгающимъ звукомъ падаютъ на обнаженные спины и рвутъ мышцы.

— Хуссейнъ! и снова плети рѣжутъ воздухъ и живое тѣло. Возникаетъ страшное и отвратительное соревнованіе. Тѣ, что рѣжутся ножами, не хотятъ чувствовать меньше боли, чѣмъ

чувствуют ее тѣ, что бичуются. Въ воздухѣ носится гулкій крикъ; люди, истязуемые влюбленными въ муки кровавымъ гнѣмъ фанатизма, поютъ и возглашаютъ имена святыхъ, зрители, магометане, тоже возбужденные почти до безумія, бьютъ себя въ груди кулаками, поощряютъ звеніе истязуемыхъ возгласами похвалъ и въ то время, какъ бичи лягаютъ по изуродованнымъ, избѣченнымъ спинамъ, они, эти правовѣрные, съ восторгомъ и жадностью ловятъ капли крови, разлетающіяся по воздуху изъ разорванныхъ мускуловъ. Безуміе иступленія все возрастаетъ и пытки становятся все болѣе утонченными, люди жаждутъ мукъ, ищутъ острѣйшихъ страданій; ненасытны въ своемъ рвеніи они, кажется, готовы рвать свое тѣло руками и разбрасывать по землѣ горячіе, дымящіеся куски его. Смотришь и изумляешься—откуда у этихъ людей такъ много желѣзнаго терпѣнія? Или подѣмъ ликующаго духа и въ наши дни способенъ заглушать бурный протестъ истязуемой плоти? Фанатизмъ, экстазъ, иступленіе—все это сильныя слова; но развѣ даютъ они понять, что есть въ сущности своей та разительная сила, которую они скрываютъ за собой? И незлобно думается, что если бѣ эту дивную мощь человѣка направить не на работу разрушенія, а на созданіе жизни, на творчество новыхъ формъ ея, можетъ быть, дѣйствительно *поразили бы люди и демоновъ и сами боги удивились бы имъ.* какъ это сказано въ одной хорошей книгѣ...

Я жилъ въ домѣ, который стоитъ надъ Курой, на высокой скалѣ и изъ оконъ моихъ видѣлъ весь Авлабаръ, раскинувшійся на противоположномъ берегу рѣки. Тамъ ломаныя линіи домовъ, раздѣленные узкими, взвистыми и крутыми улицами, стоятъ чуть не на крышахъ другъ у друга, поднимаясь отъ рѣки до вершины горы: и всѣ они такъ хаотически скучены, такъ грязны и неуклюжи, что кажутся громаднѣмъ мусоромъ, сброшеннымъ съ верха горы и при паденіи внизи, въ страхѣ и безъ порядка прилипшимъ къ ея каменнымъ ребрамъ. Черепица ихъ крышъ, сѣрый камень стѣнъ, деревянныя пристройки, балконы и террасы, висящіе въ воздухѣ—вся эта масса камня и дерева, громоздясь другъ на друга, заставляетъ думать, что только землетрясеніе, могучій толчокъ подземныхъ силъ, могъ придать жилищамъ людей видъ такого хаоса.

А Кура, ревушая въ узкомъ каменномъ ложѣ, между сдавившихъ ее скалъ, съ пѣной гнѣва бьется въ берега, какъ-бы грозя разрушить и смыть съ нихъ тяжелыя и грязныя здавія,—Кура наполняетъ воздухъ сердитымъ ропотомъ и еще болѣе усиливаетъ оригинальность картины и странное впечатлѣніе, навѣваемое ею.

Кура не широка. Изъ моего окна можно безъ усилія перебраться черезъ нее камень во дворъ дома на томъ берегу. Этотъ дворъ принадлежитъ богатому персу, старику, ко-

торый часто выходитъ гулять на дворъ и подолгу сидитъ въ одномъ изъ угловъ двора, на циновкѣ подъ тѣнью платана, окруженный своими женами, закутанными въ бѣлыя покрывала, тремя дѣвочками, изъ которыхъ старшей едва-ли минуло пятнадцать лѣтъ.

Вечеромъ 17-го мая, этотъ дворъ чисто вымели, полили водой, а при наступленіи ночи—освѣтили массой факеловъ. Среди двора поставили высокой желѣзный треножникъ и на немъ мѣдный сосудъ, въ которомъ краснымъ пламенемъ горѣла тряпка или пакля, пропитанная нефтью. Ночью окна домовъ Авлабара ярко освѣтились, и по улицамъ, съ пѣніемъ, шумомъ и воемъ, съ факелами въ рукахъ, пошла процессія шивитовъ. Въ густой тѣмѣ душной ночи огня, факеловъ то исчезали въ извилинахъ улицъ, бросая трепещущій отблескъ на стѣны домовъ, то снова являлись предъ глазами, образуя живые и причудливыя узоры изъ пылающихъ толчекъ или, вытягиваясь въ длинную линію, они золотой змѣей ползали по горѣ и освѣщали ножи, бѣлыми молніями разрывавшія воздухъ надъ головами людей, охваченныхъ восторженными безуміемъ. Гулъ голосовъ, сливаясь съ ропотомъ бѣшеныхъ волнъ Куры, носился въ воздухѣ такимъ могучимъ звукомъ—точно вѣстѣ съ кающимися людьми вся гора вдыхала и стонала. Около полуночи процессія разбилась на отдѣльныя группы и они разошлись по всѣмъ уллицамъ, ведя съя огня и холодный блескъ исжей.

И вотъ одна часть процессіи пришла на дворъ перса, противъ моего окна. Ее ждали; на балконѣ дома стояли старики въ длинныхъ, темныхъ одеждахъ и высокихъ елобукахъ, вродѣ тѣхъ, въ какихъ изображаютъ царей Вавилона и Ассиріи. У ногъ стариковъ сидѣли два мальчика, одѣтые въ бѣлое. Когда процессія вошла во дворъ—она прекратила свое пѣніе и образовала кругъ, въ центрѣ котораго явилось четверо людей, обнаженныхъ до пояса. Она встала по двое другъ противъ друга около треножника, облившаго ихъ краснымъ пламенемъ, а правовѣрные, сопровождавшіе ихъ, поднимая факелы высоко вверхъ, окружили ихъ кольцомъ огней. Затѣмъ наступило молчаніе и съ минуты всѣ стояли неподвижно.

И вотъ,—среди напряженной тишины, раздался дѣтскій голосъ, слабый, дрожащій, но чистый и звонкій, какъ стекло. Онъ пѣлъ, или, вѣрнѣе, онъ пѣвуче жаловался на что-то; онъ то замиралъ безсильный и тоскливый, то вскрикивалъ жалобно и кротко, поднимался высоко къ небу, въ ту ночь скрытому черными тучами, и дрожащій, робкій, но всегда по-дѣтски милый и красивый, обрывался, падалъ внизъ и замиралъ на нотѣ едва слышной, на звукѣ до того легкомъ и безсильномъ, что казалось, онъ былъ-бы не способенъ измѣнить полетъ пушинки.

— А-а... о-и э-а-а... о-о-э-а... носилась въ воздухѣ плачевная мелодія и когда утомленный голосъ обрывался, толпа что-то дружно и глухо гудѣла, какъ-бы виновато стѣвая ему. Потомъ зашѣлъ второй дѣтскій

голосъ, болѣе мужественный и сильный, но такъ-же полный красивыхъ и печальныхъ металлическихъ вибрацій и когда звуки его замерли—раздался громкій, гортанный возгласъ одного изъ стариковъ. Онъ долго и внятно читалъ что-то на ломкомъ языкѣ, звуки котораго, рѣзкіе и краткіе, сыпались въ тишину, какъ зерна.

— Али! Хуссейн! грянула толпа и что-то странно звякнуло. Толпа громко зашѣла дикую и воинственную мелодію и я увидѣлъ, какъ четверо полубоженныхъ людей, взмахнувъ чѣмъ-то въ воздухѣ, съ силой ударили себя по спинамъ, отчего раздался желѣзный лязгъ... Въ рукахъ у нихъ были довольно толстыя и длинныя цѣпи, сложенныя втрое; держа ихъ обѣими руками эти люди съ размахомъ, въ разѣ били ими себя по спинамъ, стараясь такъ выгибать тѣло подѣ ударъ, чтобъ на него легло возможно больше цѣпи. Поощряя ихъ, толпа хлопала въ ладоши и пѣла, потомъ вдругъ задавала имъ какой-то торжествующій вопросъ. Бичующіеся на время прерывали свое самоистязаніе и отвѣчали имъ хриплыми голосами, послѣ чего, по громкому возгласу толпы, цѣпи снова взлетали въ воздухѣ и снова рвали тѣло.

Али-и-и! ободряюще выла толпа, и удары становились крѣпче, сильнѣе. Скоро это былъ уже противный, хлюпающій и лязгающій звукъ, точно пучкомъ желѣзныхъ прутьевъ ударяли по густой грязи. Нѣкоторые изъ толпы начали бить себя кулаками правой руки въ лѣвую сторону груди. Они размахивались широко, съ ожесточеніемъ, и каждый ударъ заставлялъ ихъ пошатываться. Факелы въ ихъ рукахъ дрожали и я видѣлъ, какъ капли смолы и искры падали на обнаженныя плечи истязавшихся. Но они, должно быть, не чувствовали этой боли: они все бичевали себя и когда ихъ усталыя руки уже не могли наносить сильныхъ ударовъ—они сами возбуждая себя, громко ревели:

— Али-и!

И снова желѣзо цѣпей противно лязгало о вонущія, изорванныя спины, облитыя кровью и красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Такъ продолжалось долго, до поры пока пѣніе толпы, удары кулаковъ и цѣпей и всѣ другіе звуки не заглушилъ протяжный, воющій стонъ. Это одинъ изъ бичующихся не выдержавъ болѣе пытки, покачнулся назадъ и съ воплемъ, плашмя рухнулъ на землю. Надъ нимъ склонились правовѣрные, чтобъ омочить руки въ его крови—можетъ быть это будетъ святая, очищающая кровь, ибо человѣкъ, который умретъ въ этотъ день отъ истязанія—святъ.

Замучившагося подняли на руки и съ громкимъ пѣніемъ повесили со двора. Его положить въ мечеть, а если окажется, что онъ еще въ состояніи выздоровѣть—можетъ быть его отправить въ больницу,—*можетъ быть*, потому что лѣчить священныя раны—поверно и постыдно...

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАЗДНИКЪ ШИТОВЪ.

(Окончаніе).

Всю ночь до разсвѣта по горѣ бѣгали огни, то разсыпаясь на мелкія группы, то снова соединяясь въ одну широкую, сіяющую полосу и образуя собою горячіе вѣнцы, изъ которыхъ къ темному небу снова неслись крики, свистъ бичей, мягкіе шлепки ударовъ и лязганье цѣпей. Но вотъ взошло солнце и при первыхъ лучахъ его весь этотъ фантастическій кошмаръ исчезъ вмѣстѣ съ гучами, скрывававшими небо. Днемъ немученные шиты отдыхали въ своихъ грязныхъ домахъ съ плоскими кровлями, на терасахъ, висѣющихъ въ воздухѣ надъ Курой, на горѣ, около развалинъ крѣпости, въ темныхъ улицахъ, засоренныхъ гниющими отбросами, полныхъ тяжелого азіатскаго запаха. Вечеромъ всѣ сцены истекшей ночи повторились въ грандіозномъ размѣрѣ и съ массой новыхъ, поразительныхъ деталей. Въ долину у крѣпости собралась огромная толпа. Тутъ были сотни людей разныхъ племенъ Кавказа и Закавказья; всѣ они, нетерпѣливо глядя на Авлабаръ, ждали начала процессіи. На скромномъ фонѣ глыбъ известняка, гигантской дѣстницей вздымавшихся къ небу, отчетливо рисовались яркіе цвѣта одежды: бѣлыя, желтыя, синія и черныя пятна усадили гору. Женщины-магометанки, закутанныя въ широкія зеленныя и бѣлыя покрывала, столпились въ отдѣльную плотную группу, какъ овцы въ жаркій день, и

безжизненные, обезображенные безчисленными складками своихъ одежды, точно приросли къ землѣ, уподобляясь неподвижной и безмолвной толпѣ привидѣній, созданной фантазіей безумнаго. Дѣти птицами летали по горѣ, то и дѣло подвергаясь преслѣдованію и внушеніямъ со стороны бравыхъ полицейскихъ, изнывавшихъ подъ гнетомъ духоты, пыли и своихъ обязанностей. Все это казалось веселой и яркой картиной большаго праздничнаго гулянья...

Но вотъ изъ улицъ Авлабара начали являться колонны шитовъ.

— Али! Хус-сейнъ! раздался въ воздухѣ ритмичный крикъ а его сопровождалъ дружный топотъ ногъ по камню и всѣ эти противные звуки изтязанія тѣла. Каждая колонна имѣла сегодня свою особенность и въ одеждѣ, и въ способѣ нытки. Вячующіеся были одѣты, какъ и вчера—въ черныя хитоны, съ вырѣзами на спинѣхъ, тѣ что рѣзались ножами—въ длинныя бѣлыя рубахи; головы первыхъ были повязаны черными тряпками, вторые—обнажили свои синіе, бритые, изрубленные черепа и бѣлая ткань ихъ одѣянія была вся въ красныхъ пятнахъ и полосахъ. На многихъ спинахъ и плечахъ сорванные кожа и мясо висѣли темными зацепкистыми клячками, и изъ нихъ сочилась кровь, но лица, почернѣвшія отъ боли, были облагорожены восторгомъ мученичества, ясно свѣтавшимся въ широко раскрытыхъ глазахъ.

Эти двѣ колонны выстроились другъ противъ друга и стали маршировать, то наступая, то отступая, грозя одна другой орудіями изтязанія, но не забывая увѣчить себя и все вскрикивая въ тактъ своему маршу:

— Али! Хус-сейнъ!

Иногда одинъ изъ шитовъ выступалъ впередъ и наносилъ себѣ страшный ударъ, отъ котораго все его тѣло вздрагивало и, какъ изломанное, падало на землю подъ ноги товарищей, встрѣчавшихъ его подвигомъ ревомъ похвалы... А изъ города на долину уже выходила еще одна колонна человекъ въ шестьдесятъ. Они были одѣты въ широкія бѣлыя юбки, прикрывавшіе ихъ тѣло отъ пояса до колѣнъ. Груды ихъ были открыты и представляли собою образцы утояченныхъ штокъ.

Нѣкоторые изъ этихъ людей оттянувъ и прорѣзавъ себѣ кожу около сосцовъ, пропустили въ образовавшуюся двойную рану душки большихъ замковъ и заперли замки. Эти куски желѣза, вѣсомъ навѣрное, болѣе фунта *) висѣли на живомъ мясѣ, оттягивая его кверху. Другіе воткнули глубоко подъ кожу груди рядъ кивжаловъ, расположенныхъ вѣтромъ и дрожавшихъ при каждомъ шагѣ. Какой-то юноша-атлетъ, разшнуровывая себѣ грудь мѣдной проволокой, иные, собравъ кожу на щекахъ, защемили ее въ тяжелые желѣзные щипцы, къ щекамъ другихъ были приащеплены фунтовые гири, державшіяся на желѣзныхъ крючкахъ, пронзавшихъ щеку. Высокій, стройный красавецъ-персъ, съ роскошной черной бородой испортилъ свое бронзовое упругое тѣло массой машинныхъ гвоздей, воткнувъ ихъ въ грудь и плечи... И положительно невозможно передать все разнообразіе мученій, которымъ подвергали себя эти люди. Каждый шагъ,

*) Замки изъ тѣхъ, которыми обыкновенно запираютъ двери складовъ, кладовыхъ, магазиновъ и т. д.

даже каждый вздох долженъ былъ причинять невыносимую боль ибо—и вздохъ колебалъ эти куски желѣза, воткнутые въ живое тѣло. Но лица этихъ подвижниковъ не выражали ничего иного кромѣ упоенія своими муками. Ихъ появленіе было встречено радостнымъ, одобрительнымъ воемъ шитовъ и глухимъ гуломъ голосовъ пораженной публики. Многие ушли отъ этой картины, иные—ругались, женщины—плакали, а ребятишки (ихъ было много!), идя съ бочковъ колонны, со страхомъ и любопытствомъ большими глазами заглядывали на окровавленные, израненныя груди. Но среди зрителей были такъ-же взгляды и лица, выражавшіе благоговѣйное состраданіе, трогательное чувство умиленія, а многие, быть можетъ, даже зависть чувствовали къ силѣ вѣры этихъ людей, побѣдившихъ себя, ради славы своего Бога...

... Утромъ 19-го мая, часовъ въ 9, на улицахъ Авлабара появились развоздѣтныя знамена. Было тутъ и зеленое священное знамя пророка, увѣчанное золотымъ дискомъ луны, развѣвались на длинныхъ древкахъ красныя полосы шелка, черныя, бѣлыя и желтыя. Всѣ они постепенно собирались къ одному пункту—въ большой и тѣнистый садъ на берегу Куры, а когда они собрались тамъ, разцвѣтивъ зеленъя деревце въ радугу своихъ яркихъ красокъ—въ саду началась церемонія. Начали пѣть какіе-то тоскливо-торжественныя гимны, невольно напоминавшіе о заупокойной литургіи православныхъ, прерывали пѣніе возгласами въ честь Али и его сына, снова бичевались, рѣзались, били себя. Потомъ, кончивъ пѣть,

всѣ построились по-четверо въ рядъ въ длинную, змѣевидную группу, и образовали въ срединѣ ея широкій интервалъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дома, скрытаго среди зелени сада, вышли восемь почтенныхъ, бородастыхъ персовъ; они несли на рукахъ нѣчто вродѣ китайскаго паланкина,—красныя, бархатныя носилки, съ крышей на четыре ската и съ открытыми стѣнками. Бархатъ носилокъ былъ совершенно затканъ золотомъ и самсвѣтными камнями; все это ослѣпительно сверкало на солнцѣ и примадѣйшемъ движеніи носилокъ, рѣзало глаза, разбрасывая въ воздухѣ снопы яркихъ искръ. Въ носилкахъ сидѣла маленькая дѣвочка, съ ногъ до головы окутанная въ сіяющее бѣлое покрывало, тоже усыпанное камнями. На руки дѣвочки надѣли цѣпи, голову повязали широкой черной лентой—она должна была изображать плѣнную Айшу, ей слѣдовало быть мрачной и плакать, но она, очевидно, находила, что дурное настроеніе не гармонировало бы съ такимъ красивымъ костюмомъ и смѣялась, то и дѣло показывая свои зубки и сверкая черными глазками.

Готовился триумфъ Али. Вотъ явился и самъ онъ, на росломъ гнѣдомъ конѣ, весь одѣтый въ красное, осыпанный золотомъ, въ блестящемъ шлемѣ на головѣ, съ тонкой кривой саблей въ одной рукѣ и повольями въ другой. Забрало шлема опущено—вельзя смертному видѣть лица Али—который, встать сказать, не далѣе какъ вчера, вѣроятно, торговалъ разной дрянью въ одной изъ тѣсныхъ лавчонокъ Авлабара и, навѣрное, завтра займется тѣмъ-же. Его встрѣтили съ ликующимъ воемъ:

— Али-и-и!

Воемъ, отъ котораго стекла въ окнахъ задрожали. Али становится предъ носилками своей плѣнницы,—которая все смѣется,—знамена окружаютъ его, трепещутъ надъ его головой и процессія, азиатски цвѣтистая и роскошная, двигается впередъ... подъ предводительствомъ четверыхъ полицейскихъ во главѣ съ околочнымъ. Играя на солнцѣ пышностью своихъ красокъ, она медленно поднимается въ гору, приходитъ на мѣсто, которое въ теченіе трехъ дней поливалось кровью правовѣрныхъ, будетъ долго маршировать тамъ, потомъ возвратится къ пункту, отъ котораго отправилась и чествованіе Али Хуссейна кончено...

22-е мая. Въ то время, какъ я пишу эти строки, по горѣ опять идетъ процессія. Но уже не большая—человѣкъ сто. Въ центрѣ ея несутъ на плечахъ продолговатый предметъ, завернутый въ коричневую матерію, а впереди развѣвается зеленое знамя. Это значить, что одинъ изъ шитовъ, участвовавшихъ въ процессіяхъ прошлыхъ дней, удостоился славной смерти мученика, и вотъ единожды несутъ трупъ его, чтобъ зарыть въ землю и завидуютъ ему, ибо онъ теперь упивается неземными ласками гурий въ раю своего пророка. И въ то время, какъ онъ тамъ блаженствуетъ—здѣсь тоже чтутъ подвигъ его—вотъ священное знамя пророка развѣвается надъ его изтерзаннымъ тѣломъ пражомъ—и это великая честь человѣку!

... Не одинъ правовѣрный пѣтъ ежегодно послѣ этого страшнаго праздника отправляется подъ зеленымъ знаменемъ въ свой веселый рай...

Тифлисъ,

М. Горкій.